


Оленеводческий лексикон в уральских языках в контексте языковых контактов

DOI 10.31483/r-99997


УДК 811.511

Мызников С. А.

Центр ареальной лингвистики Института славяноведения Российской академии наук,  Москва, Российская Федерация;

Институт народов Севера ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»,

Санкт-Петербург, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-2972-0656>, e-mail: myznikovs@rambler.ru



Резюме: В работе на материале уральских языков представлен обзор изучения оленеводства и связанной с ним лексики. Статья основана на *методах* этимологического и сравнительного анализа. *Источниковой базой* исследования послужили словарные материалы и личные наблюдения автора. *Цель* работы – анализ оленеводческой лексики в контексте языковых контактов уральских народов. Отмечается, что планомерное изучение различных аспектов оленеводства на материале разных этнических групп началось со второй половины XX в. Наиболее важными для анализа являются материалы самодийских языков, в частности ненецкого, влияние которого распространялось на смежные языковые континуумы. В работе имеется раздел, посвященный оленеводству в контексте межэтнических и межязыковых контактов, поскольку последний нередко представляет собой результат хозяйственного и межэтнического контактирования. В ряде случаев источником распространения тех или иных методов использования оленей были ненцы. Автором была предпринята попытка комплексного анализа севернорусских диалектных заимствованных данных, возможные этимоны которые фиксируются в коми, прибалтийско-финских, обско-угорских, а также в самодийских языках. Отмечается на данных лексики оленеводства взаимодействие самодийского, пермского и обско-угорских континуумов.


Ключевые слова: ненецкий обско-угорский, саамский, пермский, самодийский, лексика, коми, ханты, манси, оленеводческая лексика.

Для цитирования: Мызников С. А. Оленеводческий лексикон в уральских языках в контексте языковых контактов // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 44-54. DOI:10.31483/r-99997.


Research Article

Reindeer Lexicon in Ural Languages in the Context of Language Contacts

Sergey A. Myznikov

 Center of Areal Linguistics at the Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow, Russian Federation;

FSBEI of HE "Russian State Pedagogical University A.I. Herzen", Saint Petersburg, Russian Federation

 <https://orcid.org/0000-0002-2972-0656>, e-mail: myznikovs@rambler.ru

Abstract: This paper provides an overview of the study of reindeer husbandry and vocabulary associated with it on the material of the Uralic languages. The article is based on the *methods* of etymological and comparative analysis. The *source base* of the research was the dictionary materials and personal observations of the author. The *purpose* of this work is to analyze the reindeer herding vocabulary in the context of the linguistic contacts of the Ural peoples. It is noted that the systematic study of various aspects of reindeer husbandry based on the material of different ethnic groups began in the second half of the 20th century. The most important for the analysis are the materials of the Samoyed languages, in particular the Nenets, whose influence extended to adjacent linguistic continua. There is a section on reindeer husbandry in the context of interethnic and interlingual contacts, since the latter is often the result of economic and interethnic contacts. In a number of cases, the Nenets were the source of distribution of certain methods of using reindeer. An attempt was made to comprehensively analyze the Northern Russian dialect borrowed data, possible etymons that are recorded in the Komi language, the Baltic-Finnish, Ob-Ugric languages, as well as in the Samoyed languages. The interaction of the Samoyed, Perm and Ob-Ugric continuums is noted on the data of the vocabulary of reindeer husbandry.

Keywords: Nenets Ob-Ugric, Sami, Perm, Samoyed, vocabulary, Komi, Khanty, Mansi, reindeer husbandry vocabulary.

For citation: Myznikov S. A. (2022). Reindeer Lexicon in Ural Languages in the Context of Language Contacts. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(1), 44-54. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99997.

Введение

Оленеводство – традиционная сфера хозяйственной деятельности у многих северных народов, например на территории Фенноскандии первое упоминание об оленеводстве относят к 892 г. [Nieminen, 2006, с. 1]. В. Г. Тан-Богораз выделял несколько типов оленеводства на севере Евразии, в частности, «так называемое изьяное, оседлое оленеводство, разбросанное весьма небольшими группами в северной части Европейской части СССР и в северо-за-

падной Сибири. Олени весьма ручные и крупные, постоянно держатся у дома, подкармливаются отбросами домашнего хозяйства» [Тан-Богораз, 1932, с. 28]. В настоящее время в России занимаются оленеводством самодийские народы: ненцы, селькупы, энцы; финно-угорские: саамы, коми-ижемцы, ханты, манси; тунгусо-манчжурские: эвенки, эвены, ороки; тюркские: долганы, северные якуты, тувинцы-тоджинцы, тофалары; палеоазиатские: чукчи, коряки, юкагиры, чуванцы, ительмены.

Методы

Работа основана на методах этимологического и сравнительного анализа. Источниковой базой исследования послужили словарные материалы и личные наблюдения автора. Цель разысканий – изучение оленеводческой лексики в контексте языковых контактов уральских народов во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами.

Результаты и обсуждение

Самодийские народы

Самодийские народы расселены на обширной территории крайнего Севера. В разных районах в зависимости от природных условий преобладает тот или иной вид хозяйственной деятельности, однако у большинства ненцев оленеводство было и остается основной отраслью хозяйства и составляет основу их материального благосостояния. У самодийцев реконструируется оленеводческая терминология, свидетельствующая о развитом оленеводстве: прасамод. **t'eə* 'олень' [Janhunen, 1977, с. 74] < праурал. **tewV* 'лось, олень' [Rédei, 1986–1988, с. 522], прасамод. **korá* 'самец, олень-бык' [Janhunen, 1977, с. 74], прасамод. **cərkaj-* / **cərkz-* 'теленок оленя' [Janhunen, 1977, с. 31–32], прасамод. **ječkä* 'самка оленя' [Janhunen, 1977, с. 41].

Ненцы

Оленеводство как одна из форм хозяйства характерно для всех территориальных групп лесных ненцев, но различные географические условия, в которых обитают эти группы, и контакты с соседними народами, очевидно, отразились в вариативности их оленеводческой системы [Бармич, 1988; Козьмин, 1986, с. 45].

М. Я. Бармич в работе «Лексическая характеристика языка канинских ненцев» классифицирует наименования оленей по следующим параметрам: 1) названия оленей по возрасту и по их полу; 2) названия оленей по их масти; 3) названия оленей по пригодности к той или иной работе, по их поведению, характеру действия и внешним признакам; 4) слова и сложные словосочетания, используемые при охране, дрессировке, отеле оленей, при перекочевках и смене оленьих пастбищ [Бармич, 2014, с. 152].

Автором приводятся весьма разнообразные наименования оленей по возрасту: *намна* 'общее наименование для молодого оленя-самца в возрасте от года до двух лет', *намна сую* 'теленок-самец в возрасте до двух лет', *хабтбэй намна* 'полуторогодовалый кастрированный теленок-самец' (причастная форма *хабтазь* 'кастрировать'), *ня"лко* 'общее название теленка на втором году' (*ня"лана[сь]* 'вертеться, быть непоседливым' [Бармич, 2014, с. 153]. Отмечается, что некоторые единицы не являются исконными: *менаруй* 'кастрированный олень-самец старше двух лет, необученный и не использующийся в упряжке': Менаруй – это молодой красивый олень-вожак. Их держат для украшения стада [Бармич, 2014, с. 155]. На коми-зырянское происхождение данного слова указывал и П. Королёв [Королёв, 1932, с. 158].

Названия оленей по масти можно распределить на три основные группы: тёмную, светлую и пёструю.

В частности, для названий оленей светлой масти используется слово *яля* 'день' в значении 'светлый': *Ялько* букв. 'денёчек'; *Сачь ялько* 'очень светлый олень' [Бармич, 2014, с. 158].

Имели различные наименования олени, которых запрягали в нарты: *пелей* букв. 'половинный – любой крайний правый олень от передового оленя в упряжке'; *вары пелей* 'крайний справа олень в упряжке'; *пелей хэв* 'соседний олень около вары пелей'; *ханбуй* 'один из оленей, который ведёт грузовую нарту' (*хан* 'нарта, сани' + *пуй* 'задний'); *нярдэча* 'средний олень в грузовых нартах' [Бармич, 2014, с. 159].

Имеются различные наименования оленей по особенностям их поведения: *авка* 'олень, вскормленный, выращенный людьми' (< *авла[сь]* 'накормить, покормить, вскормить'); *нёрас* 'олени, которые держатся постоянно вместе'; *халугод* 'олень, который ест рыбу' (< *халя* 'рыба' + суффикс склонности к действию *-год*); *нохо* 'амзи орта' 'олень, который ест мясо пса' (< *нохо* 'песец' + *амза* 'мясо' + причастие *орта* 'поедающий') [Бармич, 2014, с. 161].

Внешние признаки оленя также лежат в основе различных наименований: *вэръяна ты* 'общее название красивого оленя с большими разветвлёнными рогами, ровной гладкой чёрной шерстью'; *малкуй* 'безрогий, комолый (олень)'; *няльнана ты* букв. 'линяющий олень'; *яйсялбэй* 'ездовой олень, шея, ноги которого истёрты лямкой упряжи' [Бармич, 2014, с. 162].

В работе М. Я. Бармич также представлены названия, связанные с забоем оленей и обработкой туши, наименования частей скелета, внутренних органов оленя [Бармич, 2014, с. 167–172].

Весьма дифференцированы названия, относящиеся к шкуре оленя: *хавода* 'часть шкуры оленя около ушей' (*ха* 'ухо'); *пемьдя* 'часть шкуры под шеей оленя'; *хоба* 'общее название шкуры, снятой с туловища забитого оленя'; *незьвя* 'шкура с пахов оленя'; *тэвдир* 'часть шкуры около хвоста оленя'; *ямак* 'шкура со щёк оленя'; *мырка* 'часть шкуры с морды оленя около носа' [Бармич, 2014, с. 173].

Детально анализируется в работе лексика, относящаяся к наименованиям нарт, которые различаются у ненцев в зависимости от того, для кого они предназначены: для мужчины или для женщины, и в какое время года на них ездят. Также они в свою очередь подразделяются на женские и мужские, зимние и летние [Бармич, 2014, с. 178]. Отмечается, что у ненцев различается два вида грузовых нарт. Первый тип нарт по конструкции близок к езовым, но более массивен и прочен [Бармич, 2014, с. 180; Бармич, 1979, с. 41–44]. Такое же деление грузовых нарт дано в работе Л.В. Хомич [Хомич, 1961, с. 46].

Кроме того, в этнографических работах нередко выделяют некоторые особенности оленеводства у лесных ненцев, например: «Дымокуры [*ты ту*] лесных ненцев оз. Нум-то состоят из тлеющих толстых сырых поленьев, мха, древесной трухи и старой хвои. В подавляющем большинстве случаев дымокуры здесь не огораживаются, чем разительно отличаются от дымокуров, сооружаемых пуровскими лесными ненцами.

Дымокуры на Нум-то, благодаря их упрощенному способу устройства, используются как внутри коралей, так и за их пределами, на местах выпаса животных. Очевидно, такой тип дымокуров можно считать наиболее архаичным и относить его к самому раннему этапу использования подобных защитных сооружений в оленеводстве» [Зенько-Немчинова, 2006, с. 100].

Нганасаны

С середины XIX в. нганасаны начали вести оленеводство. Сведений о наличии домашних оленей у нганасан в настоящее время не имеется, важную роль в их жизнеобеспечении сохраняет промысел мигрирующего дикого северного оленя [Южаков, 2018, с. 85].

Селькупы

Относительно происхождения оленеводства у селькупов до сих пор существуют различные точки зрения; преобладает, относящая эту отрасль хозяйственной жизни к достаточно поздним явлениям. В этом плане весьма показательным этимологическое сравнение названий месяцев в экологических календарях групп лесных ненцев с календарями северных групп селькупов. В приводимых В.В. Лебедевым названиях месяцев северных селькупов (северо-таежной и лесотундровой полосы) нет ни одного названия, относящегося к занятиям оленеводством [Лебедев, 1988, с. 101–102]. Отмечается, что оленеводство у селькупов не только можно относить к достаточно поздним явлениям, но и вряд ли будет верно считать, что в одинаковых с оленеводством лесных ненцев условиях северной тайги и лесотундры оно могло начать проявлять какие-либо принципиальные от последнего отличия [Зенько-Немчинова, 2006, с. 91]. Фольклорные и исторические источники дают основание считать, что предки самодийского народа – селькупов пришли в верховья реки Таз без оленей, оленеводство ими было заимствовано, вероятнее всего, от соседей-эвенков. Е. Д. Прокофьева считает, что основное значение селькупского оленеводства – транспортное [Прокофьева, 1976]. До коллективизации применялся свободный выпас до снега, затем хозяин собирал оленей раз в неделю и пересчитывал. Это – наиболее древний способ выпаса, он требует хорошего знания троп и привычек оленей. В 50-е годы некоторые селькупы еще ездили верхом. Имелась особая высокорослая порода, но с XVII в. началось ее смешение с ненецкими оленями. Крупностадное оленеводство ненецкого типа было заимствовано северными селькупками позднее, в XIX в. и вьючно-верховое оленеводство полностью было вытеснено упряжным [Южаков, 2018, с. 81].

Энцы

До XVIII в. энцы населяли левобережье Енисея в том числе по р. Таз, разделяясь на лесных и тундровых. Лесные энцы имели много общего в хозяйственном укладе с лесными ненцами и, что важно, как и они использовали оленя под вьюк и седло [Васильев, 1979]. Вытесненные на правый берег Енисея тундровыми ненцами, энцы переняли у них упряжной левосторонний способ езды на оленях, применение оленегонных собак. До коллективизации количество оленей по хо-

зяйствам энцев распределялось неравномерно. Так, например, одна семья имела 3470 оленей, другая – 992, в то же время десять семей имели по 169 оленей, пять – по 21. Домашние олени в жизни энцев играли главным образом транспортную роль [Мухачев, 2001, с. 179]. В XX в. энцы полностью перешли на крупностадное лесотундровое оленеводство, отказались от зимнего чума и по примеру долган зимой живут в меховом каркасном балке [Южаков, 2018, с. 84].

Финно-угорские народы

Саамы

По данным конца XIX – начала XX в., в Архангельской губернии¹ оленеводство бытовало в Кемском уезде (у карел и русских), Александровском уезде (у саамов, коми и русских), Мезенском (у коми, ненцев и русских) и Печорском (у коми, ненцев и русских). В 1908 г. общее число оленей 407876 голов в Архангельской губернии распределялось так: в Кемском – 11562, в Александровском – 64854, в Мезенском – 74375, в Печорском – 256935, в Архангельском – 150 оленей. В Александровском уезде оленеводством занимались первоначально саамы и русские. В 1866 г. у лопарей было всего 9072 оленя. Старожилы Кольского полуострова передают, что около названного года был большой падеж оленей и саамы жили около русских селений чуть ли не милостыней. В 1894 г. из Печорского уезда эмигрировали коми-ижемцы с 10000 оленей в Кольский или Александровский уезд. Русские крестьяне высказывали недовольство ижемцами из-за того, что последние, подгоняя свои стада к русским селениям, пасут их на чужих ягельниках. По берегам Белого моря в небольших селах русские жили крестьяне-поморы, главным занятием которых служит лов семги и промысел морского зверя. Они также держат и разводят оленей, хотя и не в большом размере (табл. 1).

К началу XX в. на Кольском полуострове оленеводство практиковалось большей частью саамами и коми-ижемцами. Кольско-лопарская и Мурманско-колониетская волости в 1902 г. имели 35501 оленей в 1903 – 49778 оленей. В 1906 г. в одной Кольско-лопарской волости оказалось 55538 оленей. Даже три волости с русским населением в 1902 г. имели своих оленей: Умбская – 553, Кузоменская – 1394, Тетринская – 1065. В Понойской волости, населенной главным образом лопарями, в 1902 г. было 7376 оленей [В-р, 1909].

Оленеводство у карелов

В 1868 г. началось хозяйственное освоение северной части Кольского полуострова привлекло на восточное и северное его побережье карельских колонистов – в Колвицу и Лувеньгу, через десять лет у них было 72 домохозяйства. Карелы занимались промыслами, охотой, сельским хозяйством, оленеводством, извозом, на юге полуострова – лесозаготовкой. Как правило, карельские семьи жили зажиточно, хотя многое зависело от года. Хотя главным промыслом для карелов, жителей Колвицы, был лов жемчуга, который они искали в р. Умбе и Муне, где все берега были усе-

¹ В Архангельскую губернию входили территории нынешней Мурманской области и северной части Карелии.

Уезд	Волость	Национальность населения	Число оленей	Год
Александровский	Кольско-лопарская	Саамы, коми-ижемцы	35501	1902
	Умбская	Русские	533	1902
	Кузоменская	Русские	1394	1902
	Тетринская	Русские	1065	1902
	Понойская	Саамы	7376	1902
Александровский	Кольско-лопарская	Саамы, коми-ижемцы	35501+20307	
	Умбская	русские	679	1907
	Кузоменская	русские	385	1907
	Тетринская	русские	762	1907
	Понойская	самы	4348	1907

яны разбитыми раковинами перловки, оленеводство тоже было развито. Вот что рассказывает карелка А. А. Смирнова² о жизни в Колвице: *Оле'ней было очень много. У каждого во дворе были ло'шадя и коро'вы и ку'рочки там, фсё. А вот как порося'т дак не' было, как теперь вот в Лувенъге, теперь поросят держат. Держали о'вец, оленей, у каждого хозяина, если хороший хозяин да муци'на, дак обяза'тельно бы'ли свои оле'ни. Зимой возили, зимой жеэ снегу много, лошадь не пройдёт, а олени, у них специа'льно ла'пы такие приспособленные были, што они идут и по на'сту и по глубокому снегу ходили. У них никогда не было помещения, просто привезут, ска'жэм, ягель, там сено. Их и кормить не на'дэ было. Они их распрягают, отпускают, они копытами и зимой достаю'т ис-пот снега себе еду сами себе и спят в лесу. Каждый хозяин своих знал оленей, у каждого хозяина была своя ме'рка. На уша'х де'лали ме'рки, у ково квадра'тная, у ково' треуго'льнике, у ково' какими-то. Во'нцем ка'ждый хозя'ин, он вы'идет ф по'ле, сви'снет и ево' оле'ни идут к нему. Не к кому чуждому хозяину. А вот весной, когда они должны были отелитсэ, што их. Ма'ток отделя'ли одде'льно, про'сто де'лали деревянные забо'ры, вот как заго'н, как наприме'р огоро'ды у фсех огоро'жэны, так де'лали для оле'ней. Но там большой, ска'жэм кило'метроф на пять круговую. И вот их туда загоняли, и они там вот ва'жэнки, ужэ быкоф не пускали сами'х, а ва'жэнки там вот тели'лись, ма'леньких. У меня папа фсё время, последнее время особ'енно, как это. Ну он и работал в оленево'тческом софхозе. Я вопце сама не тут в Колвице родилась, а там на, ф Ки'ппаихе, Ки'ппаиха это, вот как на Умбу и вот. Зали'ф разделяетса на Ко'лвицкую губу' и губа идёт туда на Варзугу, на Умбу, и вот там, по этой сторо'не, вот как туда повара'чиватсэ, вот она сама губа идёт туда, там Максимоф ручей, Иваноф ручей, Золота'я гу'пка и вот Ки'ппаиха. Там ф Ки'ппаихе бы'ли большы'е бара'ки, там отец мой был оленево'дом вот, они выращивали там. Это кило'метроф примерно вот тут сама' губа' во'семь, и там примерно десеть, одиннацать кило'метроф [Мызников, 2016].*

² В данном населенном пункте проживающие там карелы в настоящее время лучше говорят по-русски.

Коми-ижемцы

Коми-ижемцы стали заниматься оленеводством не ранее конца XVII в., причем заимствовав оленеводческий комплекс у ненцев³, ижемцы внесли в него ряд усовершенствований и к концу XIX в. по праву считались крупнейшими оленеводами Европейского Севера. К середине XIX в. у ижемских оленеводов сложился целостный комплекс материальной культуры, социальных отношений и черт быта. Его ядро образовал ненецкий оленеводческий комплекс, но ижемцы внесли в него ряд модификаций. Основой оленеводческого хозяйства ижемцев была кочевая группа, состоявшая из семей, связанных между собой либо родством, либо экономически (хозяин и батрак). При этом уже в конце XIX – начале XX в. практиковалось проживание двух оленеводческих семей в одном чуме, где каждая семья занимала отдельную половину (*чомбök*) [Истомин, Лискевич, Уляшев, 2017, с. 116]. Отмечается отличие ижемского чума от ненецкого в отсутствии в нем священного шеста – *сымзы*. Два параллельных земле шеста для поддержки котлового крюка (у коми они называются *чукича*), которые в ненецком чуме привязываются к *сымзы*, в ижемском чуме идут параллельно друг другу и привязываются к двум шестам ската чума напротив входа. Однако позднее внутренний шест в ижемских чумах все-таки появился, причем используя эту конструкцию оленеводы даже иногда называют его *сымзы* [Истомин, Лискевич, Уляшев 2017, с. 116]. Имеются русские диалектные данные, восходящие к коми источникам: *сы'мза* 'полка в доме над окнами во всю длину стены'. Холмог., Пинеж. Арх [Сими́на]. *Зымзы* – палки над окнами в избе во всю стену, вроде полок. Пинеж [Валдокурье] [Сими́на]. *Зы'мза* 'полка вдоль стен избы, на которую ставились иконы и различные небольшие вещи'. Лоух. Карел. Слово восходит к коми-ижем. *сымзы* 'шесты, устанавливаемые в чуме стоймя для подвешивания крюков над костром [к ним подвязываются поперечные шесты]' [Сравнительный, 1961, с. 353]. На коми почве данная лексема также неисконна, ср. ненец. *сымзы* 'вертикальный шест внутри чума, к которому прикрепляются концы попереч-

³ О влиянии ненцев на коми-ижемцев также см.: [Старцев, 1926].

ных шестов для подвешивания крюков над костром' [Лыткин, Гуляев, 1999, с. 268]. Эта реалья на ненецкой почве трактуется как священный шест *симсы* в чуме [Квашнин, 2009, с. 121]. Коми-ижемцы переселились из Печорского края на Кольский полуостров в середине 1880 гг. Позднее были две волны переселения, которые происходили в 1890 гг. и во второй половине 1920 гг. [Истомин, Лискевич, Уляшев 2017, с. 117].

Кроме того, территория оленеводческого хозяйства коми в бассейне средней Печоры и Усы расширялась в северо-восточном направлении к Уралу и за Урал [Помишин, 1990, с. 76]. Оленеводческий комплекс коми-ижемцев имел много сходных черт с ненецким: производственная терминология, годовой хозяйственный цикл, предметы, связанные с кочевым бытом (жилище, одежда, транспорт и пр.) [Козьмин, 1990, с. 76–79]. Нарты так же, как у ненцев, подразделялись на грузовые и ездовые мужские и женские. Грузовые нарты отличались от легковых меньшим количеством копыльев (две-четыре пары), большей прочностью и массивностью [Конаков, Котов 1991, с. 138]. Обычно в хозяйстве было четыре-пять грузовых нарт, одни из которых предназначались для перевозки грузов (*вандей*), другие – для перевозки чума (*утыча*), остальные были необходимы для хранения вещей.

Несмотря на то, что оленеводческая терминология у ижемцев формировалась под ненецким влиянием, в названиях частей тела оленя преобладают единицы коми происхождения: *сюр* 'рога оленя', *юр* 'голова', *гыж*, *чыж* 'копыта', *кок* 'ноги', *торьяль* 'ляжка', *морёс* 'грудь', *сьыли* 'шея', *бёж* 'хвост', *сири* 'спина', *син* 'глаз', *вом* 'рот', *пель* 'уши', *ныр* 'нос', *кыв* 'язык', *сьёлём* 'сердце', *ты* 'легкие', *мус* 'печень', *вёрк* 'почки', *кольк* 'семенники' [Повод, 2006].

К настоящему времени в Институте народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена на кафедре уральских языков, фольклора и литературы завершена работа над лингвистическим атласом оленеводческих народов (см.: <https://sabiko.bitbucket.io/raindeer>).

К настоящему времени в ходе пробных экспедиций уже собраны некоторые данные. Так, например, по ижемскому диалекту коми языка были получены следующие сведения: самка оленя – *важэнка*; олень-самец по второму году – *намн'уку*; телёнок у годовалой важенки – *н'авута*; важенка, отелившаяся в возрасте одного года – *н'адко*; годовалый телёнок оленя – *н'алуку*; осенний телёнок – *н'эбл'уй*; шкура оленёнка двух-трехнедельного возраста – *эндук*; двухгодовалая важенка – *сырича*; телёнок оленя до одного года – *т'эл'а*; новорожденный телёнок оленя – *нежгу*; телёнок двух-трехнедельного возраста – *эндук*; оленёнок от четырех месяцев до года – *мал'ча вол'*; годовалый самец оленя – *хорейко*; бесплодная важенка – *ханторка*; некастрированный олений самец в возрасте свыше двух лет – *хора*.

Отличительной чертой ижемского оленеводства была его высокая товарность, хорошо поставленная селекционная работа, оптимальный половозрастной состав стада. Выпас производился крупны-

ми стадами численностью около двух тысяч голов с помощью оленегонных собак и при круглосуточном надзоре пастухов.

Ханты

Оленеводство было заимствовано хантами, скорее всего, у ненцев⁴. Хантыйская оленеводческая лексика была монографически исследована С. В. Ониной. Объектом исследования явились полевые материалы, собранные автором от пастухов-оленево-дов в 1992–1998 гг. в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. В качестве дополнительного материала послужила оленеводческая лексика хантыйского языка, представленная в словарных, фольклорных материалах, собранных у хантов (преимущественно северных групп) зарубежными и отечественными исследователями в разное время (XVIII–XX вв.) В диссертации исследовано 479 лексических единиц. В частности, были проанализированы наименования домашних оленей без учёта пола и возраста; их половозрастные названия; названия оленей по внешним признакам; наименования оленей по масти; названия оленей по признаку наличия / отсутствия рогов и их отростков; наименования оленей в упряжи, в обозе; названия действий, производимых оленем; названия, связанные с выпасом оленей; названия нарт, ее деталей, транспортной оснастки и других сопутствующих предметов; названия пастухов-оленево-дов; названия, обозначающие анатомию оленей; названия, связанные с использованием продуктов оленеводства; названия оленьей шкуры и лексика, связанная с ее использованием; названия инструментов, нитей, сырья для обработки оленьих шкур; названия месяцев хантыйского народного календаря, связанных с оленеводством; названия, обозначающие действия оленеводов; названия, обозначающие действия при обработке оленьей шкуры [Онина, 2002]. Кроме того, в ее работе рассматривается проблема названий болезней оленей, позднее затронутая в монографии, в которой выявляются и рассматриваются некоторые лексемы [Онина, 2003, с. 37]. Единичные наименования болезней приводятся в работе Ф. М. Лельховой [Лельхова, 2018, с. 48].

Оленеводство и межэтнические и межъязыковые контакты

Лексика оленеводства нередко представляет собой результат хозяйственного и межэтнического контактирования. В ряде случаев источником распространения тех или иных методов использования оленей были ненцы. Например, нижнеобские ханты заимствовали у ненцев способы ведения оленеводческого хозяйства, так как оно, по сравнению с рыболовством и охотой, было более выгодным и обеспечивало стабильное существование. Важную роль в развитии ненецко-хантыйских отношений и, в частности хантыйского оленеводства, играли браки хантов с ненцами. Приток хантов в ненецкую среду увеличился в XIX в., в связи с массовым вовлечением их в оленеводство, путем найма в пастухи к богатым ненцам-оленеводам [Квашнин, 2009, с. 11].

⁴ Об этом свидетельствует один из эпитетов Казымской богини, духа-покровителя реки Казым – *Оленья ненецкая женицина* [Молданов, 2000, с. 109].

Контакты между ненцами и селькупами в низовьях р. Таза нередко ограничивались односторонними заимствованиями хозяйственных приспособлений и навыков. У селькупов Среднего и Нижнего Таза практиковался ненецкий способ пастьбы оленей с круглосуточной охраной стад и применением оленегонных собак. Селькупами была частично заимствована у ненцев зимняя одежда и обувь. Нижнетазовские селькупы, оторванные от основного этнического массива, вынуждены были заключать браки с ненцами и на протяжении XX в. практически полностью смешались с ними [Квашнин, 2009, с. 12].

Манси заимствовали оленеводство у ненцев в XV–XVI веках, и оно получило широкое распространение сравнительно поздно. Занималась им небольшая часть манси, главным образом в верховьях р. Лозьва, Северная Сосьва и Ляпин, где имелись благоприятные условия для содержания крупных стад. В целом же количество оленей было невелико, их использовали в основном в транспортных целях [Онина, 2003].

Оленеводческая лексика требует анализа на широком фоне, с привлечением материалов родственных и территориально смежных языков. В ряде случаев доминирующим, этимологически первичным, является ненецкий материал. Ср., например, коми-ижем. *н'эбл'уй* восходит к ненец. *нябллой* 'олений телёнок трёх-четырёх месяцев', причем слово *нябллой* восходит к ненец. *нялуй* 'круглый'. По свидетельству М.Я. Бармич: «У телёнка этого возраста меняется шерсть, она становится гладкой, ровной, и ненцы ласкательно называют телёнка *нялуйко* 'кругленький'. Словом *нябллой* называется и шкура, снятая с такого телёнка» [Бармич, 2014, с. 154].

Ср. коми-ижем. *хапторка* 'яловая самка оленя, бесплодная важенька' [Сравнительный, 1961, с. 402], вероятно, из ненец. *хабтарка*⁵ 'бесплодная важенька, которую дрессируют для езды' [Терещенко, 1965, с. 709], 'бесплодная самка животного', 'бесплодная женщина' [Lehtisalo, 1956, с. 172; Матвеев, 1996, с. 77]. Причем из коми вошло и в русские говоры: *хапта'рка*, *хайтарка* 'яловая самка оленя'. Печор [Словарь, 2005, т. 2, с. 394, 395]; *ха'пторка*, *ха'птурка* 'то же'. Терск [Картотека]; *ха'птарга*, *ха'пторга*, *ха'птарка* 'работящая женщина'. Лешукон [Матвеев, 1996, с. 77].

Ср. коми *нялуку* 'годовалый теленок оленя' [Сравнительный, 1961, с. 254], *хора* 'некастрированный олений бык в возрасте свыше двух лет' [Сравнительный, 1961, с. 403], на коми почве рассматривается как ненецкое заимствование [Лыткин, Гуляев, 1999, с. 201]. Имеются обширные русские диалектные данные: *ня'лука* 'самка оленя на втором году жизни'. Печор [Словарь, 2005, т. 1, с. 486]; *ня'лука* 'олень-самец на втором году жизни' Печор [Словарь, 2005, т. 1, с. 486]; *ня'луку* 'олень на втором году жизни' Печор [Словарь, 2005, т. 1, с. 486]; *ня'луку* 'олень-самец по второму году'. Арх., 1940. Пе-

чор.; *ня'луку важенька* 'самка оленя от 1 года до 1 года 2 месяцев'. Печор., 1930. *Ня'луку хор* 'молодой некастрированный олень от 1 года до 1 года 2 месяцев'. Печор., 1930 [Словарь, 1965, т. 21, с. 332]. Следует отметить, что семантически данные русских говоров разнятся с источниками коми-ижем., например: *намн'уку* 'олень-самец по второму году' и рус. диал. *ня'мнуку* 'самка оленя с первой беременностью'. Арх., 1940. Печор [Словарь, 1965, т. 21, с. 332].

В некоторых случаях коми данные можно сопоставить с русскими источниками, ср. коми *сырича* 'самка оленя двух лет, двухгодовалая важенька' [Сравнительный, 1961, с. 353], при рус. диал. *сыри'ца* 'нетелившаяся самка оленя первых двух лет жизни'. Печор [Словарь, 2005, т. 2, с. 336].

В настоящее время появляются работы, анализирующие новые лексические данные оленеводства как в смежных, так и в дистантных языках: Р.И. Лаптандер «Оленеводческая терминология в ненецком языке и ненецкие заимствования в соседних языках» [Лаптандер, 2010], Н. А. Сэротэтто «Сопоставление оленеводческой лексики северного саамского и ненецкого языков» [Сэротэтто, 2016].

У русского населения оленеводство в широких масштабах не практиковалось, однако по материалам экспедиций в Беломорье нам удавалось зафиксировать ряд рассказов о содержании оленей. Например, в с. Княжая Губа на Кольском полуострове рассказывали о наличии оленей в хозяйстве, о заготовке ягеля и т. п.: *В ка'ждом дворе' почти', почти', кто не лени'лся была' коро'ва обяза'тельно и бы'ли о'фцы, а у не'которых оле'ни бы'ли. Вот у де'да у моево' бы'ли оле'ни ищ'е'. Бы'ли постро'йки специа'льны деревя'нные, о'коло до'ма. Заготовля'ли я'гель, заготовляли сено, листьа бер'е'зовые там, это и'вовые там. Ста'да не держали, не держа'ли, два оди'н, вот так вот, и то не у ка'ждо'во. А коро'вы-то почти' што бы'ли, ну бо'лее-ме'нее та'ка'я хозяй'ка как говори'тса дак и коро'ву держа'ла, и ове'чек стара'лись держа'ть и кур да'жэ держа'ли. На оле'нях вые'жся'ли в лес, на приме'р дрова' вы'тащить из ле'су, вот, на рыба'лку да'жэ, здесь фсе' веть замерза'ло ра'ньше, зали'ф, на рыба'лку туда' на то'ню е'здили, са'ни таки'е специа'льные бы'ли, вот. Лошаде'й почти' што не у ково' ф хозяй'стве не' было, то'лько пото'м ужэ ф колхо'зе бы'ли ло'шадя, там на них и паха'ли и се'но вози'ли. Но ф колхо'зе оле'ней не' было. Ягель, я сама', я ещё сама, я сама держа'ла коро'ву-то. Это дом мои'х роди'телей. Я вот подде'ржываю хожу'. Та'кие там. это я'гель, белый я'гель, бе'лый мох, как бы мох. Вот он раст'ёт, где-то вот, такими большы'ми площа'дя'ми. Я и своей коро'ве заготовля'ла. Пойде'шь да рука'ми рв'ешь ево', ево' не суши'ть ниче'во', он так вот ля'жэ он не гни'ёт. Да'жэ на ра'чу кла'ли вме'сто ва'ты и'ли там што. И коро'ва ест е'ё' и о'фцы едят ево' прекра'сно, у коро'вы да'жэ молоко' тако'е обы'чно тако'е не забол'ет ни чим. Ну во'пщем оно'. Та'ко щас оле'ней да ко'рмят да э'тим я'гелем где-то, ну вот, так и коро'вы едят ево' прекра'сно, а оле'ни тем бо'лее. Заготовля'ли в лесу', вот как мы, мешки' набь'ём да и привез'ём, кто на ло'тке, кто на*

⁵ Не имеющая детей женщина по аналогии с нерожавшей важенькой ассоциировалась с *хабтаркой* и в семье уважением не пользовалась. Такую жену муж мог прогнать или, в лучшем случае, оставить у себя, взяв другую. При этом её роль сводилась к роли прислуги при молодой жене [Сподина, 2017, с. 116].

чём домо'й из ле'су, мы навози'ли с му'жэм на та'чке наприме'р. Из ле'су, там щас доро'к полно' понаде'ла-но так, мешок набьём привезём. Сло'жым, оно так лежыт, или можно в куче, а пот кры'шэй так ещэ' лучшэ, вот так и. У фсех бы'ло жээ хозы'йство, тут щас не у ково' не'ту, ма'ло кто чево' де'ржыт. А тог-да' ф ка'ждом дворе', бы'ло како'е-то и помеще'ние. У моево' де'да дак большо'й был вот тако'й вот двор, и там отде'льны как бы ко'мнаты, там о'фцы, коро'вы, там оле'ни, а с остальнo'й стороны' наво'с.

В восточной части Беломорья оленей не содержали, однако русское население было знакомо с оленеводством от ненцев. Таков, например, рассказ, записанный в с. Большая Кудьма (окрестности г. Северодвинска): *Пи'хталы – старинное название озера и избушки, сено заготавливали, избушка была. Лес возили оттуда, берега там хоро'шие и лес хоро'ший. Миро'нова Гора', где кла'дбище, Синяя Гора по ту сторону Солзы. Хранилище, возили трубы. Шоферo'в всех знал в двацатом цэ'хе, кто возил – все у'мерли, один вы'жыл. Ста'нцыя бортово'во размагни'чивания. Оле'ни ра'ньшэ бы'ли, учи'лись да'жэ с не'нцами, до сорока, до пятидесяти кило'метров оленей кормили белым мо'хом. Лосей набью'т, мясом торгова'ли. Не'нцы промысловики' сто'ящие. В чума'х жыли, я бывал у них в чуму'.*

Значительная часть русских диалектных лексем, относящаяся к оленеводству, представляет собой заимствование из финно-угорских и самодийских языков. Многие из этих единиц имеют довольно давние фиксации в лексикографических и других источниках.

Ган 'легкие на высоких подпорках сани у самоедов для езды на оленях'. Мезен [Подвысоцкий, 1885, с. 30], при ненец. *haan* 'сани' [Фасмер, 1964–1973, т. 1, с. 391].

Проблема исследования оленеводческой лексики на материалах различных языков уже не раз находила свое разрешение на страницах диссертационных исследований, статей, книг. Причем нередко данные прибалтийско-финских языков рассматривались вне широкого контекста, ср. фин. *liivikkä, liivikkö* 'исхудавший, обессиливший (олень)', которое авторы «*Suomen kielen etymologinen sanakirja*» ошибочно возводят к саам. норв. *livāk* 'измотанный на работе олень', саам. лул. *livāk* 'тощий человек, животное' [Suomen, 1955–1981], при обширных балто-славянских данных: др.-чеш. *libivý*, кашуб. *leby* 'худой'; рассматривается как родственное лит. *liebas* 'хилый, тощий (о лошади)' [Фасмер, 1964–1973, т. 2, с. 492], рус. диал. *ли'би'вый, либиво'й* 'тощий, слабый'. Петрозав., Лодейноп. Олон., 1885–1898. Прионеж. *Ли'бива скотина была у нас*. Медвежьегор. КАССР. Лодейноп. Олон., 1852; *лебиво'й* 'то же' Тихв. Новг., 1906 [Словарь, 1965, т. 17, с. 40].

В русских говорах Кольского полуострова, при наличии там оленеводов коми-ижемцев доминируют автохтонные данные саамского происхождения.

Вал'ма 'грудь оленя'. Терск [Картотека]. *Валмы* 'выпуклости на груди оленя между передними ногами'. Терск [Меркурьев, 1979, с. 25]. *Валмы* 'часть груди у оленя между передними ногами, где проходит сса (постромка), нередко растирающая кожу в этом месте; в этом случае говорят, что у оленя валмы стерты' Кольск

[Подвысоцкий, 1885, с. 14]. Ср., саам. лул. *valme* 'место хомута' [Itkonen, 1932, с. 63], при фин. *valma[s]* 'шейный мускул' [Kalima, 1915, с. 81].

Вонделва'женка 'самка оленя на третьем году жизни'. Кольск [Подвысоцкий, 1885, с. 21]. *Вонделва'женца* 'самка оленя на третьем году жизни'. Терск [Кашкранцы] [Меркурьев, 1979, с. 29]. *Вандельва'женка* 'самка оленя на третьем году жизни' Кем [Поньгома] [Картотека]. *Вондел-ва'женка* 'оленья самка от двух до трех лет'. Кольск., 1932. *Вондил-ва'женка: Оленья самка до 1 года зовется «лопанкой», до 2-х «вондилкой», до 3-х лет «вондил-ва'женкой» и с 4 лет просто «ва'женкой»*. Арх., 1909. *Вондел-ва'женка* 'оленья самка в возрасте от трех до четырех лет' «употребляется среди помор». Кольск [Словарь, 1965, т. 5, с. 90–91]. *Воннелва'женка* 'оленья самка по третьему году' [Itkonen, 1932, с. 50]. В картотеке «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» представлена лексема *вандельва'женка*, в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» – две единицы: *вандель* и *ва'женка* [Словарь, 1994–2005, т. 1, с. 160]. Имеется саамский композит, соответствующий русским данным, ср. саам. *vuonelovaadin* 'оленья самка по третьему году' [Itkonen, 1932, с. 50].

Во'нделка 'оленья самка в возрасте от одного года'. *Олень-самка годичного возраста [ва'женка по мезенским тундрам], который в женском поле не перемениет уже более название, а в мужском с каждым годом получает новое*. Арх [Словарь, 1965, т. 5, с. 91]. *Во'нделка* 'оленья самка в возрасте от года до двух лет'. *О прошлом годе мы двух вонделок сыну подарили*. Кольск [Словарь, 1965, т. 5, с. 91]. *Вонде'лка* 'то же' Арх. *Во'нделка* 'оленья самка в возрасте от двух до трех лет'. Кольск [Словарь, 1965, т. 5, с. 91]. *Во'нделица* 'самка оленя на втором году жизни'. Кем [Картотека]. *Во'ндель* 'самка оленя на третьем году жизни'. Терск [Картотека]. *Ва'нделица* 'отелившаяся олениха'. Кем [Поньгома] [Картотека; Словарь, 1994–2005, т. 1, с. 160]. *Воннелка* Печенг [Itkonen, 1932, с. 50]. Восходит к саамским источникам, ср. саам. печенг. *vuonäl* 'самка оленя на втором году' [Itkonen, 1932, с. Терещенко, 1965; Фасмер, 1964–1973, т. 1, с. 348].

В восточной части Беломорья фиксируются данные, напрямую восходящие к ненецкому воздействию, ср. *бе'ндя* 'пучок волос под шеей оленя' Мезен [Матвеев, 1996, с. 73]. Ср. ненец. *пемдя* 'длинная шерсть под шеей у оленя' [Матвеев, 1996, с. 73; Терещенко, 1965, с. 457].

В настоящее время появляются работы, в которых упор делается на лингвогеографические характеристики материала. Одним из таковых является «Диалектологический атлас уральских языков [ненцев, коми-ижемцев, селькупов, ханты], распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа», в котором представлена на картах в том числе и лексика, связанная с оленеводством и традиционным ведением хозяйства: *аркан, нарты* и их разновидности, *каслать, стрелять* [Кошкарева, Кашкин, Коряков 2017]. В частности, отмечается, что в ненецком и селькупском языках представлены исконные наименования аркана. В

ненецком оно образовано от слова ‘олень’ с помощью дестинативного показателя. Собственное селькупское наименование – ‘веревка для ловли оленей’, но упоминание оленя нередко выпадает из этой конструкции, и остается просто ‘веревка для ловли’. В хантыйский и коми ненецкое слово пришло в адаптированном виде: *тынцац* для хантыйского и *тынзян* (в диалектном словаре также *тынзей*) – для коми [Кошкарева, Кашкин, Коряков 2017, с. 96].

Выводы

Оленеводческая лексика в ряде случаев на материале различных языков довольно часто представляет собой неисконный пласт, ср., например: саам. *тяшиш* из рус. тяж ‘длинный ремень из тюленьей шкуры, соединяющий упряжь с санями’ [Эрштадт, 2014, с. 3]. Оленеводческая лексика требует всестороннего анализа с привлечением данных этнографии, на широком фоне, с привлечением материалов родственных и территориально смежных языков, а лингвогеографическое исследование таких данных может пролить свет не только на формирование этой лексической группы, но и на этногенез этих народов, их миграции и контакты.

Список литературы

1. Бармич М. Я. Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралоистики. Санкт-Петербург, 2014. С. 148–299.
2. Бармич М. Я. Названия видов нарт в ненецких говорах // Советское финно-угроведение. 1979. № 1. С. 41–44.
3. Бармич М. Я. Названия оленей по масти в самодийских языках // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР. Ленинград, 1988. С. 28–39.
4. Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. Москва : Наука, 1979. 242 с.
5. В-р. Из области оленеводства // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 7. С. 35–50.
6. Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы : историко-этнографические очерки. Екатеринбург : Баско, 2006. 272 с.
7. Истомина К. В., Лискевич Н. А., Уляшев О. И. Коми-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4. С. 114–125.
8. Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» // Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина. Филологический факультет : [сайт]. URL : <http://msk.phil.spbu.ru/kartoteki/kartoteki-dialektnyh-slovarei/kartoteka-slovary-russkih-govorov-karelii-i-sopredelnyh-obla-stei> (дата обращения: 07.10.2021).
9. Квашнин Ю. Н. Ненецкое оленеводство в XX – начале XXI века. Салехард ; Тюмень : Колесо, 2009. 168 с.
10. Козьмин В. А. Оленеводство коми-ижемцев в Западной Сибири // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск : Издательство ОмГУ, 1990. С. 73–73.
11. Козьмин В. А. Традиции и развитие современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурное развитие народов Сибири. Санкт-Петербург, 1986. С. 42–56.
12. Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. Москва : Наука, 1991. 232 с.
13. Королев П. Оленеводство на Ямале // Сборник по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике. Москва, 1932. С. 98–158.
14. Кошкарева Н. Б., Кашкин Е. В., Коряков Ю. Б. и др. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Калининград : РОСТ-ДООАФК, 2017. 256 с.
15. Лаптандер Р. И. Оленеводческая терминология в ненецком языке и ненецкие заимствования в соседних языках // Материалы третьей Международной конференции по самодистике. Новосибирск, 2010. С. 144–153.
16. Лебедев В. В. Формирование и этнокультурная история северных селькупов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Москва, 1988. 241 с.
17. Лельхова Ф. М. Вопросы номинации болезней в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4. С. 47–55.
18. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1999. 430 с.

Сокращения

Др.-чеш. – древнечешский язык; кашуб. – кашубский язык; коми-ижем. – ижемский диалект коми языка; лит. – литовский язык; ненец. – ненецкий язык; прасамод. – прасамодийский язык; праурал. – прауральский язык; рус. – русский язык; саам. – саамский язык; саам. лул. – луле-саамский язык; фин. – финский язык.

Арх. – Архангельская область; Кем. – г. Кемь Республики Карелия; Кольск. – Кольский полуостров; Леушкон. – с. Леушконское Архангельской области; Лодейноп. – г. Лодейное Поле Ленинградской области; Лоух. – п. Лоухи Республики Карелия; Медведжьегор. – г. Медвежьегорск Республики Карелия; Мезен. – г. Мезень Архангельской области Республики Карелия; Новг. – г. Новгород; Олон. – г. Олонец Республики Карелия; Петрозав. – г. Петрозаводск; Печенг. – п. Печенга Мурманской области; Печор. – г. Печоры Республики Коми; Пинеж. – г. Пинега Архангельской области; Прионеж. – Прионежский район Республики Карелия; Терск. – Терский район Мурманской области; Тихв. – г. Тихвин Ленинградской области; Холмог. – с. Холмогоры Архангельской области.

19. Матвеев А. К. Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах // Этимологические исследования. Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1996. Вып. 6. С. 72–79.
20. Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск : Книжное издательство, 1979. 184 с.
21. Молданов Т., Молданова Т. Боги земли казымской. Томск : Издательство ТГУ, 2000. 114 с.
22. Мухачев А. Д. Путешествие в мир оленеводов. Новосибирск, 2001. 399 с.
23. Мызников С. А. О лексике оленеводства на Кольском полуострове // Олень в культуре народов Севера. Санкт-Петербург, 2016. С. 99–108.
24. Онина С. В. Оленеводческая лексика в хантыйском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. Йошкар-Ола, 2002. 170 с.
25. Онина С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством. Йошкар-Ола, 2003. 154 с.
26. Повод Н. А. Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 224–233.
27. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург : 2-е отд-ние Акад. наук, 1885. 6, 198 с.
28. Помишин С. Б. Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. Москва : Наука, 1990. 141 с.
29. Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 139–155.
30. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005. Т. 1–6.
31. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2х т. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2005.
32. Словарь русских народных говоров. Москва : Наука ; Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1965.
33. Сподина В. И. Человек и Время в угорско-самодийской картине мира : на материалах хантов, манси и ненцев : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07. Москва, 2017. 490 с.
34. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1961. 489 с.
35. Старцев Г. Влияние самоедов на ижемских зырян: язык и быт // Коми му. 1926. № 11. С. 31–34.
36. Сэротэтто Н. А. Сопоставление оленеводческой лексики северного саамского и ненецкого языков // Олень в культуре народов Севера. Санкт-Петербург, 2016. С. 58–72.
37. Тан-Богораз В. Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // Советская этнография. 1932. № 4. С. 26–62.
38. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь : около 22000 слов : с приложением Краткого грамматического очерка ненецкого языка. Москва : Советская энцикл., 1965. 942 с.
39. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. Москва : Прогресс, 1964–1973.
40. Хомич Л. В. Оленьи нарты и упряжь у ненцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва ; Ленинград, 1961. Т. 20. С. 40–53.
41. Эрштадт А. М. Лексика упряжного и вьючного оленеводства в кильдинском диалекте саамского языка // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 1–8.
42. Южаков А. А. Северное оленеводство и малочисленные народы Сибири // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2018. № 1. С. 80–86.
43. Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Helsinki, 1932. Ser. B, 27. S. 45–65.
44. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : Helsingin yliopisto, 1977. 185 s.
45. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
46. Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1956. Bd. 13. 603 S.
47. Nieminen M. Poropäivät 2006: Kooste Poropäivien esitelmätiivistelmästä. Kaamanen 27–28.04.2006 : Suomen poronhoidon historia ja kehitys // Riistantutkimuksen tiedote. Helsinki, 2006. № 206. S. 1–39.
48. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch : in 2 Bänden. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1988.
49. Suomen kielen etymologinen sanakirja : 7 osassa / Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1955–1981.

References

1. Barmich, M. Ia. (2014). Leksicheskaia kharakteristika iazyka kaninskikh nentsev. Voprosy uralistiki. 148-299. Sankt-Peterburg.
2. Barmich, M. Ia. (1979). Nazvaniia vidov nart v nenetskikh govorakh. Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1. 41-44.
3. Barmich, M. Ia. (1988). Nazvaniia olenei po masti v samodiiskikh iazykakh. Voprosy leksiki i sintaksisa iazykov narodov Krainego Severa SSSR. 28-39. Leningrad.
4. Vasil'ev, V. I. (1979). Problemy formirovaniia severosamodiiskikh narodnosti. Moskva : Nauka. 242.
5. V-r. (1909). Iz oblasti olenevodstva. Izvestiia Arkhangel'skogo obshchestva izucheniia Russkogo Severa. 7. 35-50.
6. Zen'ko-Nemchinova, M. A. (2006). Sibirskie lesnye nentsy : istoriko-etnograficheskie ocherki. Ekaterinburg : Basko. 272.
7. Istomin, K. V., Liskevich, N. A., & Uliashov, O. I. (2017). Izhma-Komi reindeer herding: ethnic invariants and local variations. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii. 4. 114-125.

8. Kartoteka "Slovaria russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei". Mezhhkafedral'nyi slovarnyi kabinet imeni prof. B. A. Larina. Filologicheskii fakul'tet : [sait] . : (data obrashcheniia: 07.10.2021). Retrieved from <http://msk.phil.spbu.ru/kartoteki/kartoteki-dialektnyh-slovarei/kartoteka-slovara-russkikh-govorov-karelii-i-sopredelnykh-obl-astei>
9. Kvashnin, Iu. N. (2009). Nenetskoe olenevodstvo v XX., 168. Salekhard ; Tiumen': Koleso.
10. Koz'min, V. A. (1990). Olenevodstvo komi-izhemtsev v Zapadnoi Sibiri. Antropologii i istoricheskaiia etnografiia Sibiri. 73-73. Omsk: Izdatel'stvo OmGU.
11. Koz'min, V. A. (1986). Traditsii i razvitie sovremennogo olenevodstva taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri. Kul'turnoe razvitie narodov Sibiri. 42-56. Sankt-Peterburg.
12. Konakov, N. D., & Kotov, O. V. (1991). Etnoareal'nye gruppy komi: formirovanie i sovremennoe etnokul'turnoe sostoiianie. Moskva : Nauka. 232.
13. Korolev, P. (1932). Olenevodstvo na Iamale. Sbornik po olenevodstvu, tundrovoi veterinarii i zootekhnikе. 98-158. Moskva.
14. Koshkareva, N. B., Kashkin, E. V., & Koriakov, Iu. B. i dr. (2017). Dialektologicheskii atlas ural'skikh iazykov, rasprostranennykh na territorii Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Kaliningrad : ROST-DOAFK. 256.
15. Laptander, R. I. (2010). Olenevodcheskaia terminologiiia v nenetskom iazyke i nenetskie zaimstvovaniia v sosednikh iazykakh. Materialy tret'ei Mezhdunarodnoi konferentsii po samodistike. 144-153. Novosibirsk.
16. Lebedev, V. V. Formirovanie i etnokul'turnaia istoriia severnykh sel'kupov., 241.
17. Lel'khova, F. M. (2018). Issues of nominating diseases in the Khanty language (Based on the Synskij dialect). Theoretical and Applied Linguistics. Vyp. 4. 47-55.
18. Lytkin, V. I., & Guliaev, E. S. (1999). Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka. Syktyvkar : Komi knizhnoe izdatel'stvo. 430.
19. Matveev, A. K. (1996). Novye dannye o nenetskikh zaimstvovaniiax v severnorusskikh govorakh. Etimologicheskii issledovaniia. Ekaterinburg : Ural'skii gosudarstvennyi universtitet im. A. M. Vyp. 6. 72-79. Gor'kogo.
20. Merkur'ev, I. S. (1979). Zhivaia rech' kol'skikh pomorov. Murmansk : Knizhnoe izdatel'stvo. 184.
21. Moldanov, T., & Moldanova, T. (2000). Bogi zemli kazym'skoi. Tomsk : Izdatel'stvo TGU. 114.
22. Mukhachev, A. D. (2001). Puteshestvie v mir olenevodov. Novosibirsk. 399.
23. Myznikov, S. A. (2016). O leksike olenevodstva na Kol'skom poluostrove. Olen' v kul'ture narodov Severa. 99-108. Sankt-Peterburg.
24. Onina, S. V. Olenevodcheskaia leksika v khantyiskom iazyke. 170.
25. Onina, S. V. Otrasevaia leksika khantyiskogo iazyka.
26. Povod, N. A. (2006). Reindeer breeding among the komi-izhma people from north transurals (second half of the 19th c. – early 20th c.). Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii. 6. 224-233.
27. Podvysotskii, A. (1885). Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. Sankt-Peterburg : 2-e otd-nie Akad. nauk. 6, 198.
28. Pomishin, S. B. (1990). Proiskhozhdenie olenevodstva i domestikatsiia severnogo olenia. Moskva : Nauka. 141.
29. Prokof'eva, E. D. (1976). Olenevodstvo tazovskikh sel'kupov. Material'naia kul'tura narodov Sibiri i Severa. 139-155. L.
30. Gerd, A. S. (1994). Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
31. Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory : v 2kh t. (2005). Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo SPGU.
32. Slovar' russkikh narodnykh govorov. (1965). Moskva : Nauka ; Leningrad : Nauka, Leningr. otd-nie.
33. Spodina, V. I. Chelovek i Vremia v ugorsko-samodiiskoi kartine mira : na materialakh khantov, mansi i nentsev., 490.
34. Sravnitel'nyi slovar' komi-zyrianskikh dialektov. (1961). Syktyvkar : Komi knizhnoe izdatel'stvo. 489.
35. Startsev, G. (1926). Vliianie samoedov na izhemsikh zyrian: iazyk i byt. Komi mu. 11. 31-34.
36. Serotetto, N. A. (2016). Sopostavlenie olenevodcheskoi leksiki severnogo saamskogo i nenetskogo iazykov. Olen' v kul'ture narodov Severa. 58-72. Sankt-Peterburg.
37. Tan-Bogoraz, V. G. (1932). Severnoe olenevodstvo po dannym khoziaistvennoi perepisi 1926-1927 gg. Sovetskaia etnografiia. 4. 26-62.
38. Tereshchenko, N. M. (1965). Nenetsko-russkii slovar' : okolo 22000 slov : s prilozheniem Kratkogo grammaticheskogo ocherka nenetskogo iazyka. Moskva : Sovetskaia entsikl.. 942.
39. Fasmer, M. (1964-1973). Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka : v 4-kh t. Moskva : Progress.
40. Khomich, L. V. (1961). Olen'i narty i upriazh' u nentsev. Sbornik Muzeia antropologii i etnografii. T. 20. 40-53. Moskva ; Leningrad.
41. Ershtadt, A. M. (2014). Leksika upriazhnogo i v'uchnogo olenevodstva v kil'dinskom dialekte saamskogo iazyka. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia. 4. 1-8.
42. Iuzhakov, A. A. (2018). Severnoe olenevodstvo i malochislennye narody Sibiri. Sibir': proshloe, nastoiashchee, 80-86.
43. Itkonen, T. I. (1932). Lappische Lehnwörter im Russischen. Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. S. 45-65. Helsinki; B, 27.
44. Janhunen, J. (1977). Samojedischer Wortschatz: gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : Helsingin yliopisto. 185.
45. Kalima, J. (1915). Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors.
46. Lehtisalo, T. (1956). Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura. Bd. 13. 603.

47. Nieminen, M. (2006). Poropaivat 2006: Kooste Poropaivien esitelmativistelmista. Kaamanen 27-28.04.2006 : Suomen poronhoidon historia ja kehitys. Riistantutkimuksen tiedote. 206. 1-39. Helsinki.
48. Redei, K. (1986-1988). Uralisches etymologisches Wörterbuch : in 2 Banden. Budapest : Akademiai Kiado.
49. (1955). Suomen kielen etymologinen sanakirja : 7 osassa. Helsinki.

Информация об авторе

Мызников Сергей Алексеевич – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Института славяноведения Российской академии наук, Москва, Российская федерация; заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Information about the author

Sergey A. Myznikov – corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of philological sciences, chief research fellow of the Center of Areal Linguistics at the Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow, Russian Federation; head of the department of Uralic Languages, Folklore and Literature of the FSBEI of HE “Russian State Pedagogical University A.I. Herzen”, Saint Petersburg, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 17.11.2021

Принята к публикации / Accepted 26.03.2022

Опубликована / Published 29.03.2022